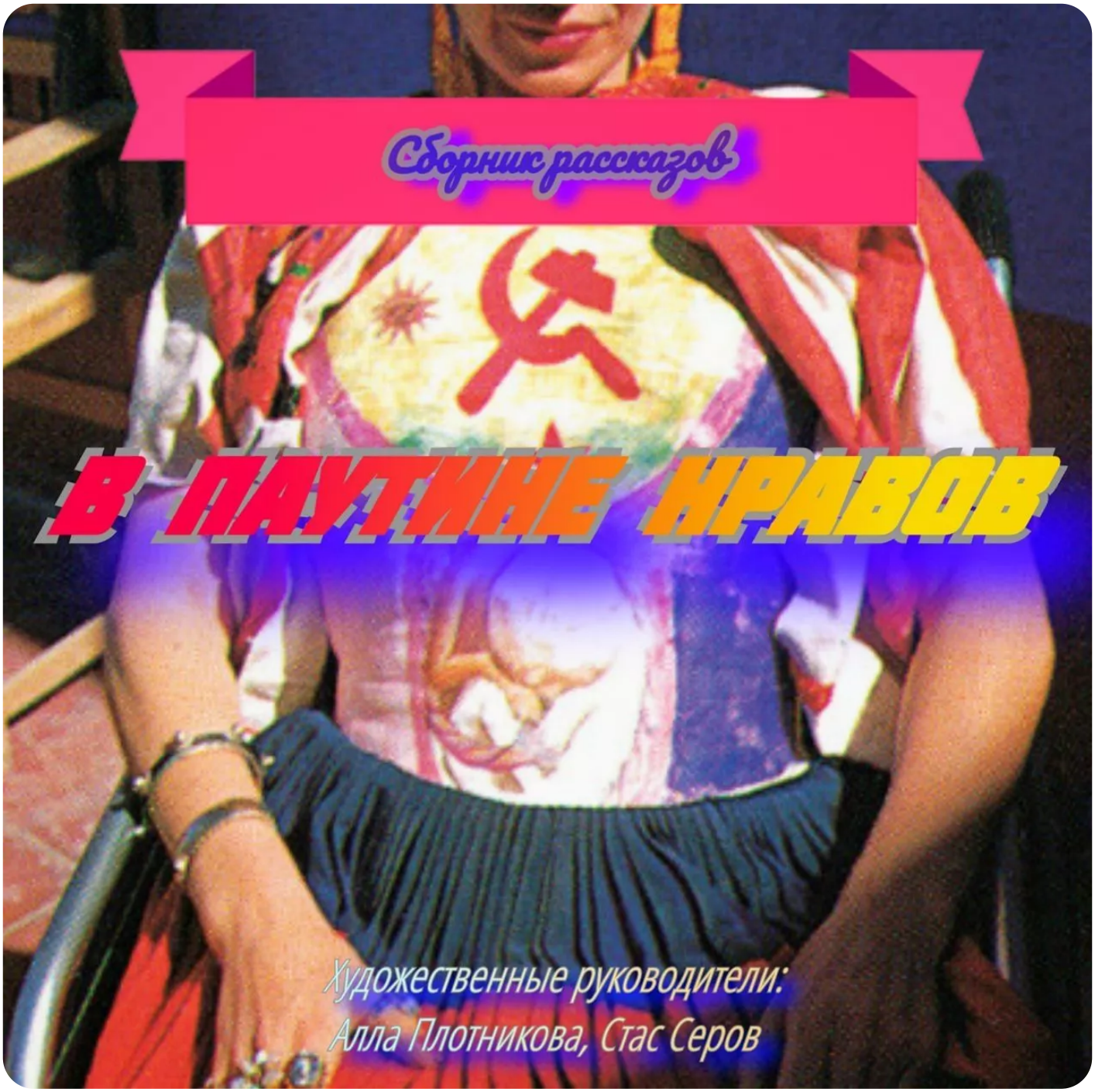

Цикл "В паутине нравов". Сон

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Алла Киселева

Ссылка на публикацию

Сон — это по сути восемь-девять неизвестно кому подаренных часов. Поэтому я не люблю спать. Да и снятся мне в основном не самые приятные сны. Чаще всего о конце света или о войне. Что по сути — одно и то же. Ведь война, как бы старательно её не прятали за крестовыми походами, или за борьбой с терроризмом, или за поддержкой демократий, или ещё за какими-то умело

сшитыми спец-масками, всегда является не чем иным, как массовым убийством.

Но сегодня ночью мне снился не конец света, не война, а куда более страшный сон. Я находился в аэропорту Внуково. Не бывал там уже года четыре, но вряд ли за это время во Внуково, если отбросить в сторону весь этот маскарад спец-времён, что-то изменилось. Оттого и во сне всё было так, как будто и не бывало четырёх лет.

Сон был ясный, один из тех, когда невозможно понять, что всё происходящее всего лишь шутка спящего разума. Зачастую, шутка глупая.

Так и в этот раз: я зачем-то у одного из пассажиров, ожидающих рейс, украл из чемодана носки с вышитыми на них инициалами «К.В» и был на иголках, боясь, что меня вот-вот повяжут, уже хотел бежать, как вдруг, перетягивая внимание на себя, шаркая ногами, появился бомж.

Он был грязный, весь заросший и жутко пьяный, но его лицо, до зуда где-то в области между лопаток, мне казалось знакомым. Пытаясь вспомнить, где же мог его видеть, я быстро перебирал пыльные папки в архиве памяти, пока не наткнулся на фиолетовую: «В ней и находится искомая информация!»

Весна, две тысячи двадцатый год, я и мой приятель, с красивым русским именем Иван и с некрасивыми цыганскими привычками к воровству, добираемся электричками из Тулы в Москву, с единственной целью погулять по Парку Царицыно. Ивана с этим местом связывают какие-то тёплые воспоминания, меня же ничего, кроме пары прогулок и единичного посещения местной кафешки, но бестолковому сиденью в Туле, я выбрал путешествие "зайцем" до Москвы.

Нет, деньги, чтобы заплатить за проезд и на прочие нужды, у нас имелись, но мы в те древние годы, придерживались позиции: «Каждому русскому, по праву рождения, оплаченному кровью тысяч предшествующих поколений, принадлежит русская земля, лежащие в ней недра, возведённые на ней (русским же народом!) мощности». А значит, и грабительские тарифы за проезд являются попросту данью захватчикам. Смириться с этим мы не могли.

Потому, как всем известно: «Тот, кто не сопротивляется захватчикам — тот их поддерживает».

Но для полноценной борьбы нас было слишком мало, но и бездействовать мы не могли. Но и уплачивать дань, чтобы тёмное иго и дальше, без проблем, жируя, могло грабить и насиловать, тоже.

Тем временем бомж, откашлявшись, сплюнул на пол.

«Ну, нет, это точно не Иван, он хоть и отчаянный парень, но свиньёй никогда не был. Да и младше он гораздо», — думал я, а бомж, лукаво улыбаясь, почёсывал грязную бороду, и редкие зубы, казалось, покачивались под холодными струями кондиционера.

«Я хоть и не видел Ивана уже два года, но ему сейчас не многим больше двадцати, а этот, седовласый бедолага, явно подошёл к отметке полувека. Но всё же он подозрительно похож на моего старинного приятеля с красивым русским именем и некрасивыми цыганскими привычками.

«Может быть это Иванов отец?» — спросил я про себя. Про отца Ивана мне известно только то, что он бросил их с матерью, когда Ивану не было и года. Более ничего о нём я не знаю. Ну, раз так, то пусть этот неизвестный бомж будет Ивановым отцом. Почему бы нет?..

«Да нет. Не он это!» — раздражённо выпалил мужчина, сидящий рядом. Я усомнился, не сплю ли, но решил до конца бороться за реальность и спросил у мужчины: «Вы мне?» Мужчина указал на гарнитуру.

«Странно,— подумал я, — Ну, не может же он читать мысли». А пока я убеждал самого себя в том, что не сплю, бомж уже обжился и, сняв с себя засаленные джинсовые штаны, прямо посреди зала, наделал, на глянцевый кафельный пол, огромную кучу.

Тут же, словно по взмаху волшебной палочки, или скорее, как муха на варенье, появился охранник, но одет он почему-то был в форму, подозрительно напоминающую форму работников милиции времён СССР. Синий однобортный китель с красной окантовкой воротника и обшлагов, брюки-бриджи с красными лампасами, сапоги и фуражка.

«Ну, вот очередной ряженый», — успел подумать я, но охранник уже на просьбы выкинуть бомжа, картавя, отвечал: «Бомж тоже человек. И к ним силу, это можно только в крайних случаях. А если ничё и жизни ничей не, это, не угрожает, то уже, это, и не можно, товарищи».

Охранник извинился и ушёл, и люди, не желая мириться с присутствием бомжа, тоже ушли, а бомж уснул около своей же кучи, охраняемый ею.

Я же в следующий миг оказался на взлётной полосе. Даже в момент телепортации, ещё не осознавая, что сплю, потому что это не было чем-то из ряда вон, а вполне нормальным явлением. Мне нужно было покинуть зал ожидания, и я покинул его, а каким образом, разве ж это важно?

На взлетной полосе около самолёта ТУ-324 я повстречал знакомого. Точнее это он меня повстречал.

«Станислав Анатольевич, не узнаёте друга!?» — крикнул он радостно. Я пригляделся. Не узнал.

«Не, я, это, не знаю тебя, товарищ авиатор»,— стараясь повторить интонацию охранника, сказал я насмешливо.

«Да не авиатор я. Я твой друг — работа такая, — в свою очередь уже он насмешливо пояснил. — Мне о тебе рассказала твоя и моя хорошая подруга, Кристина. Теперь ты и мой друг».

Я ошалел от такого заявления. В это время пилот самолёта ТУ-324, ловко, словно танкист из люка, с ручным насосом под мышкой, выскользнул из иллюминатора.

«Во, дурак, кто же велосипедным насосом подкачивает колёса на самолёте»,— удивился мой новый друг, но пилот уже открутил защитный колпачок с колеса, приладил к нему шланчик, и начал подкачку. Затем, желая убедиться достаточно ли воздуха в баллоне, пнул лакированной туфлей огромное колесо. Уверившись, что воздуха достаточно, отвинтил шланчик, привинтил обратно защитный колпачок, предварительно проверив при помощи слюны, не пропускает ли ниппель.

«Бей меня со всей силы рюкзаком!» — крикнул мой новый друг и я, без лишних вопросов, снял довольно увесистый рюкзак с плеч, о наличии которого секунду назад я и не подозревал, ударил его. Он упал. Навстречу к нам плавно, словно парусник по волнам, поплыл чёрный кабриолет. Мой новый друг, одной рукой держась за голову, второй отталкиваясь от брусчатки, крикнул: «Бей ещё, со всей силы, иначе они не поверят. Бей, Стас!». Я ещё несколько раз ударил, из головы моего нового друга пошла кровь.

«Интересно, а теперь поверят?» — подумал я, но, перестраховываясь, ударил ещё несколько раз, пока не услышал, как со звуком зрелого яблока раскололся, разломился череп.

На этом решив, что теперь точно поверят, закинул рюкзак обратно за плечи. Самолёт ТУ-324 со звуком стартующей ракеты начал взлёт. Откуда-то грянули радостные солдатские возгласы «Ура! Ура-а! Ура-аа!», а чёрный кабриолет, плавно причалив, замер около окровавленного тела. Из кабриолета вышли двое.

Человек белой перчаткой вяло пожал мне руку и, вручив грамоту, букет цветов и настенные часы «Заря» с кукушкой, торжественно пробормотал: «Кукушка,

правда, не вылетает. Сломалось что-то. Но в остальном часы исправны». Через паузу добавил: «Благодарим за подвиг, Станислав Анатольевич, вы настоящий герой!»

Как-то неловко, криво закрепил медаль мне на толстовку и, не сказав более ни слова, он, и второй, взяв с собой обмякшее, окровавленное тело моего нового друга, погрузились в кабриолет и вслед за самолётом ТУ-324 с тем же звуком стартующей ракеты, плавно пошли на взлёт. Солдаты с новой силой грянули: «Ура! Ура-а! Ура-аа!»

Лишь в этот момент я наконец понял, что сплю, ведь в машине без кабины полёты в открытом космосе не возможны. Проснулся. И только проснувшись, вспомнил, что в Москву мы добирались не из Тулы, а из Ярославля, и не на электричке, а на поезде. Лицо бомжа было лицом охранника, который на протяжении полутора десятилетий встречал меня на проходной спортзала, а до этого почти тридцать лет отслужил в Советской Народной Милиции. Но да, на Ивана он чем-то похож, а с Кристиной так и вовсе, мы не общались чёрт знает сколько, и её нового друга, соответственно, знать не знаю.

Ну, а по телевизору уже привычным пиром во время чумы транслировался очередной парад: солдаты торжествовали: «Ура! Ура-а! Ура-аа!»